

БУДЬТЕ
КАК
ДЕТИ

ТЕОФАНИЯ
ДЕТСТВА

священник

ВЛАДИМИР
ЗЕЛИНСКИЙ

Владимир Зелинский

Будьте как дети. Теофания детства

«Никея»

2019

УДК 24.242
ББК 86.372-4

Зелинский В.

Будьте как дети. Теофания детства / В. Зелинский — «Никея»,
2019

ISBN 978-5-91761-978-1

Эта уникальная книга священника Владимира Зелинского посвящена всего нескольким словам Иисуса. Если не будете как дети... Эти простые и всем известные слова содержат в себе неисчерпаемый смысл, в котором мы обретаем самих себя. Дитя, живущее внутри каждого, всегда открыто тому, что Бог хочет сказать людям. Ибо только ребенок, сотворенный любовью Божией, хранит тайну нашего подлинного «я».

УДК 24.242
ББК 86.372-4

ISBN 978-5-91761-978-1

© Зелинский В., 2019
© Никея, 2019

Содержание

Предисловие	6
Евангелие для народа-ребенка	9
Речь Божия в творении человека	21
Церковь возраста Христова	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Священник Владимир Зелинский

Будьте как дети. Теофания детства

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-901-0007*

Предисловие

На пороге озарения безбрежным: откровение детства

Ольга Шильчева-Джарман, врач-педиатр и поэт

Эта книга отца Владимира – неожиданна и вместе с тем долгождана. Так сложилось в истории, что письменное слово Европы было издавна словом мужчин. В том числе и слово о ребенке – вспомним врачей Гипократа и Сорана Эфесского, а также «Мелантия-врача, любившего детей», – от которого ничего и не осталось, кроме трогательных надгробных стихов... Но как может мужчина, которому не дано вынашивать чадо под сердцем и кормить его грудью, воистину проникнуть в тайну дитяти? Взгляд мужской, лишенный этого опыта сопричастности вынашиваемому ребенку, неизбежно скользит по поверхности... Тайна ребенка, особенно ребенка столь малого, что он еще буквально «бессловесен», оставалась в какой-то степени «тайной жен», и, как всякое «женственное», невербализованным и невысказанным. Мужская культура, отстраняясь от этого бессловесия, вырабатывала свои жесткие нормы, позволяя ребенку говорить только тогда, когда он обретет слово и станет «маленьким взрослым», забывая все глубже и глубже свою тайну той поры, когда не разумом, а «изумлением выговаривались слова». Нет изумления, нет небывалого, нет ничего преславного – «парадокса», если вспомнить, как звучит это слово на греческом Септуагинты и евангелистов. Есть Закон – и есть те, кто его знает. А вне – дети, простецы, больные, немые, глухие, – и женщины, – да, и они, матери младенцев, знающие скорбь и радость «рождения человека в мир». Сурово слово мужей, и не знающий Закона – не знает Бога.

О чем же говорит этот странный Сын Мариин? Не лубочный, не учащий «ласковому доброжелательству взрослого к детенышам», а Настоящий, «Иже в вертепе родивыйся и в яслех возлегий нашего ради спасения Христос, Истинный Бог наш»¹.

О чем говорит Он с горы и на «месте равне»? О Царстве и детстве? Уж не о конце Закона ли? О том Царстве, что «подобно забытому детству», из которого мы вышли и в которое еще не вошли.

Парадокс и преславность дел Христовых и в том, что Он обратил сердца мужей великих к *малым сим*, и человек, принявший залог сей в священстве Христовом, прозревает и видит тайну Христа в дитяти и детстве – неподзаконном, хоть и ограниченном множеством невозможностей. Дитяти, которого почитают несмысленным, – но се, оно мудро, ибо ему, младенцу, открыта тайна по благоволению Отчому.

Отец Владимир с трепетным вниманием относится ко всякому слову, несущему отсвет тайны детства, – будь то Платон или Агада. У Ефрема Сирина и Оливье Клемана находит он слова о чадах Духа Святого – не святых, но простых младенцах, умерших на руках своих матерей, безмерно любивших их – по образу духа Христа Воскресшего, безмерно любящего создание Свое, малое и беззащитное.

Отсюда – и слова отца Владимира о «народе-ребенке», о Церкви-тайне, сияющей в малых сих, и о Царстве, являемом в Церкви: «Оно спешит к нам во Христе, живущем сегодня и грядущем завтра, но ошеломляющее соседство с Ним уже сейчас проступает яснее всего в том, что всегда, изначально, бытийно Христово».

Неожиданность и долгожданность этой книги не только в том, что, открыв ее, читатель не найдет умильных вздохов – порой он обретет совершенно противоположное этому: резкое слово об «осознанной наивности». Не потому умиляется он, как некий римский патриций,

¹ Отпуст на Рождественской Литургии.

pater familias (отец семейства), привыкший чтить Юпитера и императора, что маленькая его внучка тоненьким голоском поет ему христианские гимны. Это мило, да, но это все пройдет, и внучка перед браком пойдет в храм Приапа, а гимны останутся в прошлом, но пока – пока пусть поет, неразумное дитя, тешит главу семейства своей невинностью и незнанием жизни... И если имя отца семейства – Тертуллиан или Августин, это мало что меняет – как привычно во взрослом мире ждать чуда «вопреки жесткой доктрине».

Нет, по убеждению отца Владимира, ребенок – не вопреки, а для того, чтобы явились дела Божии. Ребенок – это письмо Христово в будущее, и если он, покинув детство, не забудет его священных знаков, он станет святым, – он станет исполнением замысла Христа Творящего. Примите залог сей, отец и мать, примите сей залог – залог надежды и святости и явления в мире Великого Христа, Превечного Младенца и Превечного Сына. Он, Сын Мариин и Сын Божий, Младенец-Логос, по Максиму, великому богослову и великому исповеднику, принимает не только небо и землю, не только рай и вселенную, но и самое жестокое противоречие нашего мира – мужское и женское естество в их противостоянии и непонимании.

Неожиданно – и долгожданно – в этой книге то, что она (и я ловлю себя на том, что говорю о книге отца Владимира, как о живом существе) – написана и не как сухой трактат «на тему», и вовсе не «вареньем и умиленьем». Это – книга-песня, как песня маленькой внучки патриция, как песни тех детей, о которых говорит внимательный и чуткий к малым сим Лука-врач и евангелист, передавая слова Христовы.

Господь даровал мужам понять и высказать на языке мужской культуры бессловесную тайну дитяти и матери. Он дал силу мужам обратиться и быть как дети, и не стыдиться детства, а – пристально вглядываться в него и через малость маленького человека открывать взрослому тайну Божию. Как Своим маленьким друзьям, с которыми играл Он в Египте и Назарете. И в этом – великий вздох облегчения – быть Его чадом.

«Вернуться – значит „умалиться“, но и – „принять дитя“. Что стоит за глаголом *принять*? Иисус говорил не на нашем многозначном европейском языке и не на каком-то символическом, эзотерическом и сверхсакральном. В Его речи была библейская плотность, телесность, конкретность, ибо *Слово плоть бысть* в том числе и в клетках, мускулах и дыхании арамейских слов. Не следует ли „принять дитя“ как святую плоть, едва вышедшую из Его рук, как Божию „доброту“ творения?» – вопрошает отец Владимир.

И поэтому детство есть иносказание матери и тайна ее, и иносказание Церкви, и Ее тайна.

И об этом слово отца Владимира, но и о многом другом.

...Надгробные надписи на могилах христиан ранней Церкви гласили: «Здесь покоится чадо Христово, Флавиλλα. Лет же ей было восемьдесят пять». Она тоже была девочкой, эта римская старушка, и глаза ее «светились дружбой». Такой она и пришла к Иисусу почти две тысячи лет назад...

Да! Отпускай на свободу измученных,
Отрок, чье имя прекраснее всех.
В горы взойди неприступными кручами, в старости
Сарре дарующий смех.

Крылья голубки распахнуты в стороны —
лето Господне, и колос, и песнь!
Да! Сквозь пустыню, дорогой неторною —
слышатся зовы, и голос, и весть.

Дождь – на руно, и завет Его – радугой,
петь Его, слышать и видеть весь день!

Да! Он ведет, Он берет тебя за руку —
пальцы влагая в следы от гвоздей.

Сам Он – чудесней видений и знамений,
в старости Сарре дарующий смех,
явленный Боже и Боже являемый,
Отрок, чье Имя прекраснее всех.

Исток этой работы – несколько слов Иисуса о детях. Они просты и всем известны, но обладают такой мощью, плотностью и неисчерпаемостью смысла, что остаются для нас загадкой. Не притязая на то, чтобы разгадать ее до конца, автор предлагает здесь ряд коротких размышлений, надеясь, что они смогут послужить «тусклым стеклом»² для тайны, которая светит в словах о «малых сих»³.

² См. 1 Кор. 13: 12.

³ См. Мф. 10: 42,18: 6, 18: 10,18: 14; Мк. 9: 42; Лк. 17: 2.

Евангелие для народа-ребенка

Почему так важны для нас слова Христа о детях

Новый Завет, да и все Священное Писание целиком, обладает той особенностью, что с любой страницы, а то и строки, может распахнуться уводящая в глубины панорама целого, зовущая войти и остаться. Всякая притча, история или беседа незаметно подводит нас к краю, за которым, как говорит Апостол, – *бездна богатства и премудрости* (Рим. 11: 33). Но «бездна» Слова Божия открывается человеческому взгляду по-разному в зависимости от того, с какой стороны – церковного предания, культурного наследия или опыта – пытаться в нее заглянуть. Когда мы приближаемся к ней из страны Востока (здесь, увы, не обойтись без географических схем), то уже на первых подступах нас встречает та премудрость, которая устами сонма учителей и бесчисленных молитв, домашних и литургических, говорит нам, что нет для христианина более важного дела, чем победа над злым, падшим миром в себе, то есть удрученное покаяние и противоборство с лукавым. Ибо *сей род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17: 21). И коль скоро мы всерьез, всей волей и крепостью в это противоборство вовлечены, нам уж для прочих, благих и разных дел на земле ни сил, ни времени, ни особого интереса как-то не остается.

Лишь на Востоке (в духовном, понятно, смысле) голос с небес говорит монаху: «Арсений! бегай от людей, – и спасешься»⁴, и Арсений⁵, возжелав спасения, бежит (а за ним – тысячи безвестных учеников его со слухом, обращенным к тому же голосу), если не в раскаленную, если не в ледяную пустыню, то в тихую обитель, во внутреннюю клеть, дабы отдать себя подвижничеству, неустанной «невидимой брани» и стяжанию Духа. На духовном же Западе, хоть он, конечно, о невидимом по-своему тоже печется, юношу, движимого Духом и апостольской ревностью, сердечный голос посылает на иную брань: *идите, научите все народы* (Мф. 28: 19). «Держай, брат, – шепчет ему Ангел, – трудись, делом яви любовь к заблудшим, чтобы весть Христова дошла и до них, не ты будешь им говорить, но Дух Святой». «Нет обращения без миссии, а миссии без обращения», – говорил недавний (2005–2017 гг.) архиепископ Парижский Андре Вен-Труа.

Обращение – не только радость, но и приказ, оно может послать тебя и к таким народам, которые еще века два-три назад запросто могли содрать кожу со снедаемого ревностью просветителя или накормить им свое племя, или просто туда, где климат кровожаднее всякого людоеда. Но не кому иному, а тебе именно сказано: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Ин. 20: 21). Ныне Отец посылает тебя, иди, проповедуй, не жалея башмаков, не считай ни часов, ни усилий... Не пойдешь – «языки» останутся без Слова Жизни и будешь первый же истязуем скребущей совестью, неисполненным долгом, что равен измене, да еще и снисходительной улыбкой братьев. Не под силу тебе просвещать дальних, орден – коему без остатка принадлежит и твое обращение – пошлет тебя к ближним, тем, которые под боком. Здесь устраивай для них классы катехизации, спортивные площадки, детские лагеря, дабы и спорт и отдых соприкасались с домом Божиим, проповедуй на улицах, на дискотеках, вырывай древнейшую профессию из челюстей порока (сам оставаясь неуязвимым для лукавых стрел) –

⁴ Алфавитный патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. – М.: Сретенский монастырь, 2009.

⁵ *Арсений Великий* (354–449) – монах и учитель монашества, подвизавшийся в Вади-Натруне, впадине на северо-востоке Ливийской пустыни. Сведения о нем и его поучения, записанные учениками, дошли до нас в составе сборника *Apophtegmata Patrum* («Изречения отцов»), который на русском языке вышел с подзаголовком «Древний патерик».

словом, всем служением возвещай ту весть, которую тебе дал Иисус, предписал устав и доверила Святая Мать, Вселенская Церковь.

Стоит ли напоминать, что и в западном мире были (и остаются) свои подвижники и отшельники (рассуждение о «невидимой брани» написано венецианцем⁶), и на Востоке бывали и есть свои Стефаны Пермские и Николаи Японские⁷, святые просветители дальних языков, не ведавшие ни страха, ни усталости? Однако в целом и там и здесь сложилась традиция слышать внутренним слухом и откликаться каким-то близким вещам, пропуская другие как не самые важные, не до конца спасительные. Ибо одним всего важнее было бежать прочь от мира, пробираться туда, где укрылся *сокровенный сердца человек* (1 Пет. 3: 4), а иным – взяв посох и Книгу, обзаведясь китайской грамотой, косичку отращивая и латинский бревиарий⁸ исправно дорогой вычитывая, *не убоившись... как бы видя Невидимого* (Евр. 11: 27), идти из Рима в Китай. Промыслительно встретившись на путях своих и случайно поговорив, они, аскет с Востока и апостол с Запада, наверное, даже не поняли бы друг друга. «Как идти на край света, коли не завершена еще борьба со страстями в душе?» – «Как оставаться, когда несметное количество душ, не слышавших слова Христова, обречено вечной гибели?»

Разделение, нельзя не признать, пролегает не только по странам и конфессиям, даже не по призваниям и опытам, но достигает неуловимых движений сердца. Словно следуя за единым Словом, оно может быть ведомым либо Востоком, либо Западом. Но разве нет у него иных путей, ведущих к той же «бездне премудрости»?

Здесь я рискну выбрать не столь исхоженный, не совсем привычный маршрут, совмещая по возможности оба пути – внутрь себя и вовне – к народу, ближе которого нет и дальше которого нет, к тому племени, к которому мы принадлежали когда-то и изначально им еще остаемся, а в перспективе сотериологической⁹ призваны стать. Речь не идет о популярном катехизисе для младшего возраста, который, надев очки и улыбку, мы раскрываем на подглавке с цветными картинками «Христос и дети», написанной как бы *не чернилами и тростью* (3 Ин. 1: 13), а вареньем и умиленьем; лубочные там детишки, не тот Христос.

Иисус учил чему-то куда более существенному, чем ласковое доброжелательство взрослого к детенышам лишь за то, что они увлажнили нам очи. Во всяком Его слове или жесте, помимо прямого, явного, сокрыт еще и неразгаданный смысл, и если начать его разгадывать – *и самому миру не вместить написанных книг* (Ин. 21:25). Есть книга о безумии Креста, есть книга о подвижничестве и отсечении воли, есть другая, миссионерская, волевая, в которой все глаголы стоят в повелительном наклонении, есть книжица чудесных встреч и вразумляющих чудес, есть даже отдельная поэма о лилиях, одевающихся краше Соломона, но среди множества томов затерялась где-то и тоненькая тетрадка, на обложке которой неустоявшимся почерком

⁶ В 1589 году в Венеции итальянский священник и проповедник Лоренцо Скуполи опубликовал трактат «Il combattimento spirituale» («Духовная брань»). В 1796 году его перевел на греческий преподобный Никодим Святогорец и издал под заголовком «О невидимой брани», дополнив книгу примечаниями и выписками из святых отцов. В 1888 году святитель Феофан Затворник перевел книгу с греческого на русский.

⁷ *Стефан Пермский* (1340-е – 1396) – просветитель народности коми, создатель первого их алфавита на основе кириллицы, греческого алфавита и древнепермских рунических символов, переводчик на язык коми Священного Писания и богослужебных книг; первый епископ Пермский. *Николай Японский* (1836–1912) – основатель Православной Церкви в Японии, архиепископ Японский. Переводчик на японский Нового Завета, Псалтири и богослужебных книг. Оставил после себя интересные дневники.

⁸ Бревиарий – в Католической церкви богослужебная книга, содержащая чинопоследования литургических часов.

⁹ Сотериология (от *soteriologia* «спасение» и *hoiologia* «учение, слово») – раздел богословия, посвященный спасению: действиям Бога и человека, направленным на него.

написано: «Младенчество». В сущности, каждый из этих текстов есть Откровение, переведенное на доступные нам языки, на которых Бог говорит с нами. Многочему из того, что сказано там, по словам Иисуса, еще предстоит до конца раскрыться в Царстве Его.

Все помнят Его слова: *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его среди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18: 1–4).

Царство Небесное – основная весть Спасителя, цель, исток, распахнутая тайна Его проповеди. Возвещение Царства в Его устах звучало как мессианское обетование о владычестве Божиим не только в конкретной истории здесь и теперь, но и в обновленном, еще не узанном времени, которое стоит близко и таится где-то рядом, стучится в наши двери, подзывает, ждет на пороге.

Оно спешит к нам во Христе, живущем сегодня и грядущем завтра, но ошеломляющее соседство с Ним уже сейчас проступает яснее всего в том, что всегда, изначально Христово. Царство, как и детство, которое обращено к Нему, – уже *близ есть, при дверях* (Мф. 24: 33). Мы когда-то вышли из него или еще не вошли, не получили вида на жительство в нем, потому что слишком нагружены скопившимся в нас временем взрослым, тяжелым, дебелим, – в сущности, где-то нам изначально чуждым. Царство Небесное подобно забытому детству, оно – всегда на дальней обочине, оно меньше зерна горчичного, оно *внутри вас есть* (Лк. 17: 21), но семена его – всего различимее в тех, кто способен умалиться до такого зерна. Оно – как в сегодняшних детях, окружающих нас, так и в тех, которыми мы некогда были. Потому что детское есть и царственное, умалившееся – Христово, и в эту тайну, открытую Им и в Нем сокрытую, Иисус призывает нас вернуться.

Вернуться – значит «умалиться», но и – «принять дитя». Что стоит за глаголом *принять*? Иисус говорил не на нашем отвлеченном европейском языке и не на каком-то символическом, эзотерическом и сверхсакральном. В Его речи была библейская плотность, телесность, конкретность, ибо *Слово плоть бысть* (Ин. 1:14) в том числе и в клетках, мускулах и дыхании арамейских слов. Не следует ли «принять дитя» как святую плоть, едва вышедшую из Его рук, как Божию «доброту» творения, которая обращена к нам, на своем языке говорит нам о том, что *хорошо весьма* (Быт. 1: 31)? «Дитя» следует приютить в своем доме, в сердце, во взрослом нашем «я». «Принять дитя» – значит стать пристанищем Слова, пришедшего анонимно в ребенке и нуждающегося в матери. Матерью, как и Телом Слова, мистически становится Церковь.

В Церкви мы обретаем Христа в молитве и Евхаристии, как и в тайне собственной личности, корень которой – в ее незримом начале. Жизнь в Церкви – это долгий путь к себе. «Отвернись от своей тени, возвратись в самого себя, – говорит Блаженный Августин, – для тебя нет другой гибели, кроме забвения того, что ты погибнуть не можешь»¹⁰. «Стань тем, кто ты есть»¹¹, – вторит отцам митрополит Каллист (Уэр). А кто я есть, допрашиваем мы себя? Кто есть каждый из нас по своей сотворенной сути? Не в том ли суть восточного пути, чтобы увидеть свое истинное, не искаженное миром «я», узнать его в Боге, а затем очистить от «я»

¹⁰ *Блаженный Августин. Монологи / Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии.* – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 369–370.

¹¹ *Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Сила Имени. Молитва Иисусова в православной духовности // Церковь и время, № 8 (1999). С. 189.*

чужого, снедаемого заботой, того, в котором сегодня живем, принимая его за единственное наше жилище?

Чтобы говорить об исконном нашем «я», нужно осознать, что оно было когда-то создано, вошло в мир Словом, через Которое все начало быть. Бог сказал о нас: *сотворим* (Быт. 1: 26), и каждому из нас сказал: «будь». Он даровал нам лишь Ему ведомое, *вечное имя, которое*, – как сказано у пророка Исайи, – *не истребится* (Ис. 56: 5). «Ты создал нас для себя, – говорит Блаженный Августин в начале „Исповеди“, – и душа наша дотоле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе»¹². Да, сердце то и дело подымает мятеж внутри самого себя, потому что опьянено собой, но с собой сегодняшним ему тесно, как в клетке, и хочется на Божий простор. А сердцу ребенка, пока он еще мал, просторно там, где его существо было от начала – в Его руках (*Руки Твои сотворили меня и устроили меня...* – Пс. 118: 73), в полноте Его дарового, неистраченного, царственного присутствия. Слова псалма, которые мы вспомнили, произносятся в каждом из «малых сих» еще до того, как он научается говорить.

Они выговариваются изумлением.

Господь творит нас и отпускает в мир, и мы входим вратами удивленного благодарения, еще не способного себя осознать. *Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу...* (Пс. 8: 3). Младенец хвалит не по-взрослому, удивляется не так, словно видит то, что не встречал раньше, но воспринимая бытие как целое, оставаясь в единстве с ним. Он изумляется тому, что воспринимает, впитывает органами чувств, но не пронизывает, не замораживает стихийное удивление рефлексией о нем. «Принять дитя» значит ответить его благодарению, откликнуться Слову, которое вызвало его к жизни. Удивиться чуду творящей воли Божией, дабы мы «из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворившем нас», – как говорит святитель Василий Великий¹³.

Изумление значит из ума исхождение, отстранение от сложившегося в «уме», от устоявшегося, отвердевшего в нас образа падшего привычного мира. Изумление – приношение себя в дар открывающемуся предмету, соучастие в «вещах Божиих». Когда душа в человеке только просыпается, она нащупывает в себе затаенное «ты» вещей и вступает с ними в беседу, как одно творение откликается другому. Сотворившее нас Слово Божие обнаруживает себя в общении.

Которое Ты сотворил и устроил¹⁴.

При творении Бог был узнаваем повсюду, во всех *делах рук Его*, о которых *вещает твердь* (Пс. 18: 2) и исповедует все, что живет на земле. Ребенок еще не вышел из того первоначального замысла Божия, в котором все твари собраны воедино в их обращенности к Творцу. «Быть как дети» значит стать тем, кто вы суть, тем, кем вы некогда были и до сих пор в каком-то доразумном, дословесном бытии, начале, корне, плане, проекте, зерне остаетесь. Будь тем, кто ты есть (и это «есть» относится не столько к настоящему, сколько к непреходящему времени), каким был до того, как грех с его законом вражды и мир с его обособленностью не зятя-

¹² *Блаженный Августин. Исповедь / Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии.* – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 469.

¹³ *Василий Великий. Беседы на Шестоднев / Василий Великий. Творения: В 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы.* – М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 245.

¹⁴ См. Пс. 138: 13–18.

нули тебя в сети, не вторглись в твое «я», не овладели им полностью, до того, как существо, созданное для Царства, не отдалось здешнему смертному времени.

Потому и говорит Господь: *если не обратитесь...* Жизнь во Христе есть, помимо прочего, возвращение к тому истоку, откуда все начало быть. Она есть причастие замыслу Божию о всякой человеческой жизни.

«Обратиться» – значит еще и обернуться, повернуть назад. Мы оборачиваемся на оклик. Однако настоящее обращение происходит тогда, когда мы «припоминаем» (при всей условности, даже и невозможности такого «воспоминания») себя в Царстве, когда мы находим его в нашей тварности, которая создана и наполнена (если она не подавлена и не опустошена нами) живущей в нас любовью Творца. Любовь вызвала нас к жизни до того, как мы обзавелись сегодняшним нашим гордым, громоздким «я», вытеснившим подлинное, которое «сквозит и тайно светит»¹⁵ через «дитя». Там, где Христос и назначил нам встречу.

О том же говорит Евангелие от Марка. *И, взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня* (Мк. 9: 36–37).

Кто примет это дитя во имя Мое... Истолкования этих слов часто бывают скудны и невразумительны. «Возможно, слово „дети“ употреблено в переносном смысле»¹⁶, – отмечает В.Н. Кузнецова в комментарии к Евангелию от Марка. А возможно, нет, определенно, уверенно, оно стоит здесь и иначе стоять не может, кроме как в смысле прямом, простом, требовательном, буквальном. В поддержку призыву поэму Сергея Аверинцева о Благовещении, где он подчеркивает «честность» и «вечность» предметов, окружавших Марию («где камень воистину есть камень, в очаге огонь – воистину огонь, в бадье вода – воистину вода...»)¹⁷. Когда Иисус говорит о детях, Он не играет в раздвоение смыслов. Там, где Бог становится истинным человеком, мир вокруг Него обретает свою невиданную доселе правдивость. Дитя – отнюдь не символ чего-то иного, милого и неясного, но просто недавно явившееся на свет существо без кружева метафор вокруг.

Кто примет это дитя во имя Мое... Как в Евхаристии: хлеб сей воистину есть хлеб, но и всецело Тело Христово. Этот ребенок есть просто ребенок, рожденный, как и все мы, *от хотения плоти* (Ин. 1: 13), но всякий принимающий его принимает Сына Божия в благодарении.

«Ведь через Евхаристию мы обретаем Бога везде – и в грозных стихиях, и в крошечном цветке» (протоиерей Александр Шмеман)¹⁸. Ну а крошечный человек – это таинство реального присутствия для слабовидящих.

В его малости и свободе от привнесенных человеческих имен заключено особое имя Слова Божия, которое выговаривается как весть о творении. Все приходит в мир через Слово, через произнесенные, именованные Им сущности вещей. В начале всякого человека – Слово, повелевшее ему вочеловечиться.

¹⁵ Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

¹⁶ Кузнецова В.Н. Евангелие от Марка. Комментарий. – М.: Общедоступный православный университет, 2000. С. 166.

¹⁷ Аверинцев С. Стихи духовные. – Киев: Дух і літера, 2001.

¹⁸ Шмеман А., протоиерей. Церковь, мир, миссия: Мысли о православии на Западе. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1996. С. 266.

Принять дитя – значит услышать зароненное в него имя Господне, увидеть в существе ребенка первую из нерукотворных икон Сына Божия. В этом состоит духовное призвание всякой семьи, как малой, так и всеобщей, человеческой. «Принять дитя» не как драгоценную, симпатичную, хотя и беспокойную игрушку, но как благословенную возможность Царства, «приблизившегося» здесь и теперь к тебе и ко мне, в том ребенке, которого мы видим, как и в том, который по милости Божией, прячется, где-то все еще живет в нас. До его малости нужно нам умалиться, суметь ему внутренне уподобиться. В этом вхождении в Царство ребенка, когда родители уподобляются – в евангельском смысле – детям, должно быть, состоит наука христианского воспитания. Умаление приоткрывает дверь Духу Святому, Который «приходит» и «вселяется» там, где находит место. Дух может помочь нам найти в себе то «дитя», в кого Господь нас зовет обратиться. Но обращение достигается долгими тяжкими усилиями.

Он Сам сравнивает его с родами. *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас...* (Ин. 16: 21–22).

В устах Иисуса «последние вещи» обетованного Царства соединяются с первыми – с рождением, и физическая «скорбь» рождающей женщины уподобляется телесной «печали», из которой возникает радость. Печаль здесь сродни усилию, мучительному труду нашего духа, которым «восхищается Царство»¹⁹. «Скорбь» рождения – и там, и здесь – увенчивается радостью благодарения. А если перевернуть аналогию, спуститься с высот вниз, к поту и боли родов, обрезанию пуповины, не есть ли само восхищение Царства из печали, усилия, скорби – образ явления в мир внутреннего человека-ребенка?

Обратиться в дитя – значит найти в себе печать или метафизическую память промысла о нем. *Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я создаем был в тайне, образуем был во глубине утробы,* – говорит Давид (Пс. 138: 15), словно шепчет восхищенно на ухо Богу и в сердце нам. «Запечатленность» взгляда Божия вдруг иногда – когда мы стряхиваем слепоту – проступает в глазах новорожденного. Она ищет ответного взгляда, настроенного благодарением. Благодарность – глубочайший корень веры, вера же есть обретение себя перед Богом. Она пробуждает потребность в очищении перед Ним.

Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите (1 Фес. 5:16–18) – в сущности, это и есть триединая формула Православия, сумевшего умалиться и «стать» детством во Христе.

138-й Псалом некоторыми Отцами толковался как повествование о Христе: зародыш, *созидаемый втайне*, отсылает нас к таинству Воплощения. Иисус создается во всяком человеке, запечатлевает на нем Свой образ до рождения. Вера помогает узнать Его, но чаще Он остается неузнанным до самой кончины, Он *изображается* в нем²⁰, но также забрасывается грязью и распинается. Но при этом дарует ему Себя, окликает Собой – из младенчества.

Здесь приходит на память одно из иудейских поверий о том, что в утробе матери ребенок изучает Тору, познает в ней Бога и данный Им от века закон. А потом, когда рождается, Ангел, сойдя, стирает в нем эту память. И мы в новорожденных ощущаем изредка этот след

¹⁹ См. Мф. 11: 12.

²⁰ См. Гал. 4: 19.

первоначальной мудрости, не до конца еще стершийся, не вполне забытый, отложившийся где-то за пределами разума, на который может упасть какой-то мгновенный радостный свет.

Подобную догадку встречаем и у Платона: «И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках, ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать»²¹.

Семя Слова Божия, согласно святоотеческой традиции, заброшено во всякую человеческую мудрость и всякую жизнь. После Христа мы вправе сказать: ребенок в период *тайного созидания* (Пс. 138: 15) в утробе «изучает» Божие Слово. А взрослый познает Его, припоминая. Но что плод во чреве может «изучать»? Душой-плотью он наполняется *ведением* Христовым (Пс. 138: 6), вбирает его в себя, дышит им, сохраняет его в растущем своем естестве. *Зародыши мои видели очи Твои...* (Пс. 138: 16). *Дивно для меня ведение Твое* (Пс. 138: 6). Бог устами Псалмопевца открывает нам секрет Своей работы. Он извещает нас о том, как замысел Его осуществляется в *глубине утробы* (Пс. 138: 15), о том, как *ведение* Его облекается костями, Промысл наполняется днями жизни. В этом замысле свернуто будущее самого зародыша, его взросление, его обращение, затем будущее его потомков.

Ведение Бога не оставляет его ни на миг. И если некогда оно физически, плотью, костями, жилами вошло в нас, неужели оно бесследно исчезнет, когда не будет ни плоти, ни костей, ни жил?

«А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала Богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия»²².

Как написано у пророков: *Вложу закон мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его...* (Иер. 31: 33). Мы словно договорились забыть, что здесь кроме смысла переносного и высокого есть еще и буквальный, телесный. «Внутренность» в контексте библейского реализма – не «чистая» душа, но и плоть, состав человека, который держит и осуществляет в себе «закон», волю, мысль, любовь Господа. Они раскрываются в нем. Закон входит в нас как зерно будущей Вести. Она «заброшена» в человека и хочет взойти. В этом, кстати, и цель воспитания – узнавание и принятие закона Божия, вложенного в наши кости и жилы, в живое «я». Ибо, возрастая, это «я» отделяется от вошедшего в него закона как зерна Слова и противопоставляет себя ему.

«Согласно Православному богословию, в тварной природе присутствует Благодать от самого Ее источника, так как эта Благодать подразумевается в самом акте творения...»²³

«Степень их выше и прекраснее, нежели у девственников и святых, – говорит преподобный Ефрем Сирийский о детях, умерших во младенчестве, – они – чада Божии, питомцы Духа Святаго»²⁴.

²¹ Платон. Менон / Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 1. – СПб.: Издательство СПбГУ; Издательство Олега Абышко, 2006. С. 393.

²² Платон. Федр / Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 2. – СПб.: Издательство СПбГУ; Издательство Олега Абышко, 2007. С. 190.

²³ Евдокимов П. Женщина и спасение мира. О благодатных дарах мужчины и женщины. – Минск: Лучи Софии, 2009.

²⁴ Ефрем Сирийский. Надробные песнопения / Ефрем Сирийский. Творения: В 8 т. Т. 4. – М.: Отчий дом, 1995. С. 460–461.

Христос открывает нам Отца и через божественное материнство. «Рахамим – означает божественное милосердие и является более выразительным²⁵ множественным числом от *рехем* (матка); живой Бог „чувствует“ свои творения, как женщина „чувствует“ своего ребенка, всей плотской полнотой своего существа»²⁶.

Небеса проповедуют славу Божию... (Пс. 18: 2). И проповедь их как *откровение слов Твоих просвещает, вразумляет простых* (Пс. 118: 130).

По-славянски же: *Явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы*.

Младенец таит и несет в себе язык, на котором Бог являет невидимую славу Свою и говорит с нами. Можно выразиться и смелее: ребенок и есть «явление словес» Его, обращенный к человеку язык Его славы и Его любви, сквозящей сквозь лица и вещи. Однако азбукой такого языка нам еще предстоит овладеть. Если ты не можешь верить текстам, обрядам, догмам, встречам, посылаемым тебе знакам, попробуй довериться *явлению словес* или *делам рук Его* (Пс. 8: 7) – в тебе самом, в твоей сотворенности. Пребывая во младенчестве, мы не можем осознать свое устройство Его руками. Оно хранится в нас и вдруг озаряет память.

Да и сама «вечная память», которой мы напутствуем усопшего, не означает ли возвращения в то *дивное ведение* (Пс. 138: 6), которое сотворило нас, вошло в жизнь и где-то еще живет поблизости, не до конца покинуло нас? Разве не со встречи (случившейся однажды, оставшейся в нас навсегда) с тем «дивным ведением» из Псалма зарождается вера? Раннее детство напоминает нам об этой не до конца проясненной связи между «до» и «после» человеческой жизни. *Из уст младенцев... Ты устроил хвалу* (Пс. 8: 3), и хвалу можно услышать в самом первичном, до-истолковательном смысле: «уста младенцев» еще до того, как научились говорить, и есть уста, коими Творец рассказывает о Себе.

Не случайно ведь из трех воскрешений из мертвых, которые совершил Иисус, два было даром родителям (дочь начальника синагоги, сын вдовы Наинской), которым Он возвращал детей, третье – Лазаря – было пророческим знаменем Воскресения и дарованием брата сестрам.

Всякий человек входит в жизнь из уст Божиих, из *дивного устройства* (Пс. 138: 14), которое совершается в «до» человеческой жизни. И это устройство не есть ли личный завет, который Бог заключает с тем существом, которое вызывает к жизни? Мы не участвуем в нашем творении, но много позднее можем осознать свою причастность к ведению, которое заложено в нас. Мы можем откликнуться ему, выявить его в нашей жизни, встретить его в людях и вещах, нас окружающих. Войти в таинство детства – значит прежде всего познать Бога в собственном творении, Слово – в повседневном существовании, Любовь – в дыхании, дающем жизнь.

«Такими, какими они [дети] являются даром их естества, мы должны стать из страха Божьего... Пока мы не станем чужды ко всякому греху, словно малые дети, мы не сможем прийти к Спасителю»²⁷.

²⁵ То есть более выразительным, экспрессивным.

²⁶ *Клеман О.* Отблески света. Православное богословие красоты. – М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2004.

²⁷ *Епифаний Латинский.* Толкование на Евангелия. Цит. по: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Том 16: Евангелие от Матфея 14–28. – Тверь: Герменевтика, 2007. С. 119.

Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче, ибо таково было Твое благоволение (Мф. 11: 25–26; Лк. 10: 21). Стоит лишь вслушаться в эту молитвенную хвалу Иисуса, и мы найдем, что в ней плотно сложено целое богословие детства, которое еще предстоит раскрыть. В сущности, оно умещается в три заповеди: «принять дитя», «умалиться до него», «обратиться в него». Порядок слов в данном случае не имеет никакой обязательности. Иисус призывает дитя, которое остается невидимой мерой и точкой отсчета нашего взрослого существования. И даже евангельским и церковным таинством его. При этом Он не говорит – ведь не по забывчивости, конечно, – о первородном грехе Адама. Он провозглашает, – скорее, даже делом являет – святость детства.

Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пусть дети и не препятствуют им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда (Мф. 19: 13–14).

«Бог хочет, чтобы всем, чем мы обладаем по природе, мы обладали по произволению... [Отец] приложил руки к детям, поскольку приложение рук научает оружию силы Божией»²⁸.

И все же почему именно «дети»? Чем человек-кокон столь явно отличается от человека сложившегося, отвердевшего, выстроившего себя? Владимир Соловьев в «Оправдании добра» «оправдывает» и деторождение, то дивное исполнение замысла Божия о человеке, который вкладывается в него при творении. «Все согласны, – говорит Соловьев, – что особая прелесть детей – в их невинности, но эта фактическая невинность не могла бы приводить нас в радость и восхищение, если бы мы были уверены, что она непременно будет потеряна. Мысль, что их ангелы прямо видят лицо Отца Небесного, не имела бы в себе ничего утешительного и назидательного, если бы соединялась с убеждением, что эти ангелы неизбежно сейчас ослепнут»²⁹.

В таком «оправдании детства» есть, пожалуй, осознанная наивность. Логическое лишь по форме, оно философски рискованно и нелогично по-детски выбирает всегда ожидающую нас возможность чуда вопреки доктрине, по которой каждый человек является в мир со смертельной раной греха. Пусть так, но разве, прежде чем заразиться или открыть в себе наследственную тяжкую болезнь, не входит ли человек в мир и как ожидание Божие? И не в этом ли его здоровье? Не ждет ли Творец, что мир наконец исполнится в том, кто рождается сегодня, откроется таким, каким и был некогда подарен и явлен? Опыт говорит, что всякий раз ожидание Его оказывается обманутым. И все же всякий ребенок – невиданная возможность, сокрытое в нем обещание, как и вызов взрослым, родным и чужим, коим это обещание посылается. И каждой матери и каждому отцу вручается залог святости, вышедшей из того, что было лишь *хотением плоти* (Ин. 1: 13), плодом совокупления. Это обещание исполняется во святых, ставших детьми.

Вы – письмо Христово (2 Кор. 3: 3), – обращается апостол Павел к Церкви Божией, уместившейся в Коринфе. Но и любой малыш – письмо, отправленное Христом Церкви, уместившейся в семье. Чтобы такое письмо прочитать, нужно стать такой Церковью, овладеть языком, на котором оно написано. Наука «письмен Христовых» существует прежде всего для родителей, как вольных, но чаще невольных соработников Бога. Творец воспользовался их объятием,

²⁸ Аполлинарий Лаодикийский. Фрагменты. Там же.

²⁹ Соловьев В. Оправдание добра. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 257.

чтобы создать Своего ребенка. По его чертам можно угадать облик не только земного, но и Небесного Отца, ибо всякое явление человека есть дело Отца, действующего в Сыне.

Наше детство, в сущности, не измеряется годами. Нельзя сказать: вчера оно кончилось, выбежало на улицу и пропало. Оно, по сути, еще и не начиналось по-настоящему. Когда мы осознаем его, окружаем, настигаем мыслью, его уже нет. Оно скрылось незаметно, расточилось по каплям. *Кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф. 12: 30; Лк. 11: 23), говорит Иисус. Детство кончается, когда наше «я» становится сознательным и утверждает себя в – «я»! И наполняет себя доверху эпитетами, обидами, убеждениями, удовольствиями, помыслами желаний. У него вырастает опухоль «я»-центризма, оно наполняется падшим миром, хочет, даже не подозревая о том, *быть как боги* (Быт. 3: 5).

Те боги входят, внедряются в человека тотчас после детства. Точнее было бы говорить о младенчестве, ибо под детством мы нередко подразумеваем и отрочество. Но подростковость – это уже совершенно иной возраст, отчасти еще несущий в себе былого ребенка, но уже во многом противоположный тому детству, которое подразумевал Христос. Отрок входит в период опьянения своей личностью, лишь недавно приобретенной, но уже заполнившей весь внутренний горизонт. «Дивное ведение» вытесняется новым эгоцентрическим опытом своей выпирающей субъективности, с ее страстями, инстинктами, комплексами, «половодьем чувств», но также и внезапно разросшимся интеллектом, никак не уравновешенным ростом соразмерного ему духа. Это время кризиса, метания, «отрясения праха», желания «по своей глупой воле пожить» (вспомним отроческое «отречение» того же Владимира Соловьева, протоиерея Сергея Булгакова, Николая Бердяева и стольких еще). И вместе с тем где-то спрятанная в глубине хрупкость.

Начиная с отрочества наше «я» будет только разрастаться и матереть. *Грех юности моя и неведения моего не помяни,* – молит Псалмопевец (24: 7). Юность, то есть становление взрослости, это и есть время, когда душа человека умножает в себе капиталы *мира сего*, пьянеет от внезапно свалившегося богатства, но богатства не Богом, о Ком человека тянет забыть, а лишь собой, обретает разум, который может себя утверждать, управлять другими, пользоваться ими хотя бы мысленно, их судить, оценивать, презирать и над ними возноситься, как и тело, которое не только хочет, но уже и может грешить.

Потому Господь и говорит о мудрости умаления как условию вхождения в Царство Духа. Умалиться – значит нагнуться, сократить свой объем и место, занимаемые во вселенной, но самое главное – сократить себя в себе. *Царство Небесное подобно зерну горчичному...* (Мф. 13: 31). Малое зерно таит в себе образ нашего «я», еще не прикоснувшегося к сознанию. Потому что разум, увы, это и путь спасения, но также и зеркало плененности «миром сим», владеющим нами.

Отсюда проясняются и самые тревожные, даже мучительные слова Евангелия: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее* (Лк. 9: 24). Предупреждение Иисуса разгадывается лишь в благословенной «малости» детства. Ребенок не теряет души, он ее приобретает, открывает в себе и наращивает. Лишь затем, много позднее, пожелав умалиться, уже взрослым, с привкусом Адамова яблока на губах, он, если сильно захочет, может вернуться к своему младенчеству, чтобы потерять душу в Боге. Возвращенное детство отказывается от громады давящего душевного опыта, от тем-

ницы страстей, всех «сокровищ», собираемых на земле³⁰. Только «потерявший душу» умеет принять чужого как своего. Поэтому и святость понимается на Востоке как исцеление от себя в «богатстве» самости ради возвращения к первоначальной «нищете духом»³¹. Да и цель христианского воспитания, если вспомнить о нем, – это удержание в себе чуда творения, следов «работы Господней». Ибо если «душа по природе христианка»³², природу эту надо еще отыскать, в нее еще нужно обратиться, суметь ее понять, исходя из того начала, того дара, который каждому из нас посылается при творении.

Требуется немалая, сознающая себя сила для того, чтобы суметь «потерять душу». Возвращение в мир детства возможно лишь тогда, когда мы обретаем способность измерить взглядом громадное расстояние, которое нас от него отделяет. *Будьте как дети*, говорит Иисус, но та временная, протоптанная дорога, по которой вы пришли в детство из небытия, из предбытия, затем из младенчества в отрочество, давно заросла крапивой и чертополохом. Ее нет на карте, никакой чудо-компас не приведет нас к ней. Ребенок не знает стыда, но вы, повзрослев и стыда отведав, не можете каким-нибудь революционным или пляжным декретом «долой стыд!» от него до конца избавиться. Ребенок мыслит иначе, чем мы, но впадением в детство мы к его мышлению не вернемся. Ребенок пребывает вблизи Царства Божия, но даже сильно захотев, Божие не украсть у Бога и не свести украденное у неба на землю когтистой наукой, обратившейся тюрьмой для тела и соблазном для духа, как у Маркса – Ленина – Мао. Стать как дети можно только тогда, когда мы осознаем, что бесповоротно – и не без нашей вины – детство утратили. Оно может вернуться теперь только в иное, Христово детство, обретенное как святость.

Святость, в сущности, это исполнение, завершение того, что дано всем *от начала* (2 Фес. 2: 13) и сумело победить в себе змиево *как боги* (Быт. 3: 5). *Если не будете как дети...* – сказано вовсе не малым детям, но именно тем, кто ими перестал быть. Возвращение к ребенку в себе – путь грешника, бросившего вызов своей падшести и готовящегося вступить в тот Народ Божий, который избрал Бог. С этим народом Бог заключает Завет через родителей, созидает его в утробе матерей. И каждый взрослый призывается стать тем, кем был некогда, узнать себя в личном Завете Божиим с ним, вспомнить о себе, «созидаемом втайне», и сделать тайное явным в земном своем существовании.

Не боясь впасть в ересь, доверяя лишь словам Спасителя, решусь утверждать, что в целом Евангелии среди многих его смысловых слоев и неоткрытых списков, среди множества посланий, обращенных к разным ушам, есть еще и Евангелие от *малых сих*, органично сплетающееся с другими и вместе с тем потаенно отличное, особое, свое. Оно отлично тем, что главное действующее лицо в нем – совсем иной Божий Народ, Народ-ребенок, тот благословенный, тот избранный Народ творения, в который нас зовут обратиться. *Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное...* (1 Кор. 1: 27). Избрание продолжается, Бог тверд в Слове Своем и верен в нем Себе.

Этого народа не видно, как не заметно ничего царственного и святого в тех обремененных собой людях, рассеянных по храмам, прикладывающихся к иконам, грешащих «бесстыдно, непробудно»³³, но каким-то дерзновением веры собираемых в Народ Божий. Ибо этот

³⁰ См. Мф. 6: 19.

³¹ См. Мф. 5:3; Лк. 6: 20.

³² *Тертуллиан*. Апологетик / Тертуллиан К.С.Ф. Апологе-тик. К Скапуле. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 141.

³³ «Грешить бесстыдно, непробудно...» – первая строка стихотворения Александра Блока 1914 года.

Народ – не только или не столько толпа молящихся, сколько евангельское дитя, забытый ребенок, о котором нужно вспомнить, которого еще можно найти.

Когда примем дитя в себе,
узнаем в других,
сами станем как дети.

Речь Божия в творении человека Почему новорожденный – это одно из откровений Божьих

«Если не будете как дети». Остановимся перед словом «как». Иисус обращается к апостолам, ожидающим Царства, а через них – к любому из нас. Он не разъясняет подробно, в чем, собственно, надлежит им уподобиться детям, кто суть сами дети, в чем состоит секрет их детскости. Это следует разгадать нам. А для начала приглядеться.

Предлагаемые заметки – подступ к той книге о детстве, которая должна быть зарыта – как я верю – где-то «под горой» Писания. На пути к ней совершенно случайно я наткнулся в интернете на признание давнего моего друга, Ильи Грица³⁴. Он рассказывал о своем «обращении», желая дойти до первого ростка его. Им оказалась встреча со взглядом новорожденного.

«...Друзья в институте в первый раз мне предложили почитать Евангелие. Тогда это было очень трудно, обычно его давали всего на одну ночь, больше не могли дать. Я прочитал и понял, что это правда, все, что в нем написано, – правда. И тут же последовал внутренний вопрос: “Какое это имеет отношение к тебе? Ну, конечно, имеет. Но, может, не сейчас? Так много вокруг интересного, так много чего еще хочется попробовать и испытать, – наверно, надо потом”.

Так я решил для себя. Но это я решил, а Господь решил по-другому. Потому что сначала молодость, жизнь, женитьба меня привели к тому, что я как бы об этом забыл, хотя все время помнил, что есть вопрос, на который я не дал ответ. И вот у меня родился сын. Когда я первый раз его увидел, ему было несколько дней всего, и мы встретились глазами, я чуть не упал в обморок, потому что я увидел живой взгляд, в нем было столько любви, столько благодарности, что я понял, что больше нельзя тянуть, что надо немедленно давать ответ на этот вопрос»³⁵.

Когда ребенок в минуты покоя глядит на нас, нам вдруг может показаться, что он передает чье-то вопрошание. Словно не он, а Кто-то, Кого мы еще не знаем, всматривается в нас глазами Своего творения. Такого не бывает, не может быть, но вдруг нас касается интуиция, что во взгляде ребенка мы встречаемся с глазами «видящего нас Отца»³⁶. Младенческий взгляд не упирается в нас, не вторгается в потайные комнаты нашего «я», не приводит под видом друга вора, который хочет что-то там разведать и выкрасть. В нем нет той противостоящей нам чужой самости, до которой надо еще дорасти, поднявшись на общезначимую поверхность вещей и понятий. Он несет в себе до-вещную, до-понятийную глубину человека, ту суть его, которая отмечена прикосновением сотворивших его рук. Мы сами, привыкнув незаметно обороняться от иных взглядов, редко бываем готовы к этой незащищенности. Она застает нас врасплох. Встреча с ней больше, существеннее того, что мы готовы воспринять через механику взрослых чувств. Но мы можем принять взгляд ребенка как приглашение вечности.

Правда, это случается редко,

³⁴ *Илья Гриц* – основатель, в прошлом ректор, а сейчас преподаватель Колледжа библейских основ подготовки к церковным служениям «Наследие». Читает курсы по Ветхому Завету.

³⁵ *Гриц И.* О себе [Электронный ресурс] // Синергия: [сайт]. URL: sinergia-lib.ru/index.php?section_id=1523 (дата обращения 25.12.2018).

³⁶ См. Мф. 6.

но оставляет нестираемые следы. Внимание Божие, доставшееся нам в залог, – наш царственный запас, который мы уносим во взрослость и теряем в ней. А потом время от времени пытаемся его отыскать. Как правило, тщетно. Узки врата памяти, и тесна дорога к началу.

В предразумной стадии младенческий взгляд, если нам удастся уловить его, иногда поражает недоступной нам полнотой знания. Он соотнесен не с тем, что впереди, но с тем, что позади, с горнилом творения... *Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыши мой видели очи Твои...* (Пс. 138:15–16). Эта несокрытость от взгляда Божия, остановившегося на эмбрионе, запечатленного на новорожденном, пронизавшего весь его телесный состав, иногда, пусть изредка, будит нас, требует отклика, зовет навстречу, вызывает к благодарности.

«Что значила твоя улыбка? Видел ли ты сны? Но какие же сны ты мог видеть, что могло тебе сниться, что мог ты знать, где бродили твои мысли и были ли они у тебя тогда? Но не только улыбка – лицо твое приобрело выражение возвышенного, вещего знания, какие-то облачка пробегали по нему, каждое мгновение оно становилось иным, но общая гармония его не угасала, не изменялась. Никогда во время бодрствования, – плакал ли ты, или смеялся, или смотрел молча на разноцветные погрешности, повешенные над твоей кроватью, – не было у тебя такого выражения, какое поразило меня, когда ты спал, а я, затаив дыхание, думал, что же с тобой происходит. „Когда младенцы так улыбаются, – сказала мне потом моя мать, – это значит, их ангелы забавляют"»³⁷.

Всякая душа, хоть она, по слову Тертуллиана, и «христианка по природе», вследствие падшести своей склонна к засыпанию. Иногда новорожденный, если принять его как слово Господне, говорящее с нами из созданной Им плоти, способен разбудить ее. Он дается родителям как смутное откровение, как личностное обращение Бога к нам, на языке внеразумном, но внезапно понятном. Впрочем, чаще всего мы избегаем усилий, чтобы осознать его.

«Увиденность» Кем-то, запечатленность в «зенице ока» Божия – вот загадка первых дней жизни. Бог остается с нами и дальше, но не пересекает границ нашей свободной воли, однако в материнской утробе Он, держа нас во взгляде, творит. Во младенце, если мы обретаем способность к библейскому зрению, мы встречаемся с Богом глазами. Нас осеняют *дела рук Его*. Отрок, стяхнувший ранние годы, видит уже только себя, и через свое окрепшее, обособившееся самосознание— все остальное. А дитя живет, греясь, в отеческом взгляде, который теплится на нем. Лучший из воспитателей – тот, кому дано стать прозрачным для этого взгляда. Иными словами, умалиться перед ребенком...

...который несет в себе один из тех внятных нам, образных языков, на котором Творец общается с нами. Можно и смелее: он и *есть* тот язык, если сумеешь его выбрать (в человеке разумном все начинается с выбора), найти, расшифровать и услышать. Ты не веруешь текстам, обрядам, догмам, проповедям, посылаемым тебе знакам – прислушайся к речи Божией, записанной во младенчестве, может быть, сохраненной специально для взрослых Его чад. Самому ребенку не дано услышать ее. *Слава* его человеческого начала открывается ему через много лет, после бурь и натисков, «высот» и падений, сомнений и безысходности, но и вослед *веяния тихого ветра* (3 Цар. 19:12), пробивающегося сквозь заматерелость сердца.

³⁷ Казаков Ю. Во сне ты горько плакал / Казаков Ю. Странник. Собрание сочинений: ВЗ т. Т. 1.– М.: Русский мир,

До конца доверившись Промыслу, мы узнаем, что всякий человек существует задолго до времени, в котором рождается. Бог прокладывает для него путь через жизнь, лишь допуская – или благословляя? – влечение полов, «роковые узлы» взглядов, «судеб скрещенья»³⁸, делая из двух тел *плоть едину* (Быт. 2: 24), в которой лишь два кандидата, избранные из многих тысяч, в темноте, но не в слепоте исполняют благословенную работу Господню. И утроба матери становится домом Божиим, и Бог произносит там: *зачался человек* (Иов 3: 3)!

И было ко мне слово Господне: Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде чем ты вышел из утробы, Я освятил тебя (Иер. 1: 4–5). Слово Господне – каким языком говорит? Пользуется ли оно алфавитом, чернилами, тростью, веянием ангельских крыл или иными звуковыми или смысловыми средствами, до которых мы еще не додумались? Бог говорит с людьми «извещениями сердца»³⁹. Говоря, Он выходит из того, что Он есть в Себе, в то, что Он есть для нас. Для нас Он – любовь, которой Он мыслит и облекает мысли плотью. Разве не подразумевает пророк, что любовь Божия и мысль-речь о возникновении человека – одно? Образование человека в утробе и освящение его – единый акт как познания-речи-любви. «Не просто человека, но богодухновенного пророка, доносящего слово Господне», – возразят нам. Но пророк слышит лучше то, к чему остальные глухи, ибо откровение целостно, истина открывается людям с разной полнотой, но затрагивает всех.

Вера как любовь есть познание Бога, *подобно тому, как я познан* (1 Кор. 13: 12). Сии три суть едино. Детство, самое раннее, еще не погасшее в нас, есть событие, где мы можем узнать и познать себя в Боге, ощутить совершенную когда-то Его работу в нас – точнее, любовь, которая вошла в нас как мысль, взгляд и плоть и продолжает безмолвно трудиться.

Догадку об этом можно найти и в традиции ислама. В достоверном хадисе, который передается в сборнике имама Муслима, пророк Мухаммед рассказывает об этапах творения человека. Спустя 120 дней, говорит пророк, «Аллах посылает ему ангела. Ангел вдыхает в него душу»⁴⁰.

Мы не участвуем в нашем возникновении, но Бог оставляет нам возможность осознать его. Надо уметь лишь ею воспользоваться, приблизиться к одному из тех очагов творения, мимо которых мы во взрослой жизни проходим, не обернувшись. Младенчество – это самый близкий, доступный каждому путь, когда мы, подобно Давиду и Иеремии, можем войти в мысль Творца о нас. «Войти в мысль» и откликнуться, раскрыть ее в потоке существования, находить ее отражения в предметах и лицах, нас окружающих.

Ибо и мысль Его есть Любовь, чье мышление совершается как таинство в материи мира, но прежде всего в устройении человека. Ему дано в этом таинстве соучаствовать: верой, разумом, особым зрением узнавать участие Бога в начале своего пути, слышать Слово, говорящее и безмолвствующее в нас в каждое мгновение бытия. Взаимодействие с Ним подсказывает нам, как научиться видеть и слышать то, что нам открывается, и как благодарить. Сохранять в себе следы или обещания Царства, начало которого сродни истоку нашего существования. Ибо: *На Тебя оставлен я от утробы, от чрева матери моей Ты – Бог Мой* (Пс. 21:11).

³⁸ Строка из стихотворения Б.Л. Пастернака «Зимняя ночь» (1946).

³⁹ См. Евр. 10: 22.

⁴⁰ *Имам аль-Мунзири*. Мухтасар Сахих Муслим. В 2 т. Т. 2. – Алматы: ТОО «Кэусар-саяхат», 2013. С. 339.

«Таинственно, как в первый день создания...»⁴¹ Память о первом дне нашего существования никогда не прояснится для нас. Речь вообще не идет о памяти, ни о той, которую хранит наш мозг, ни тем более о некой лирической «памяти сердца». Мы не можем и пытаться вспомнить то, что ушло, не коснувшись самосознания. Но возвращение к бессознательному началу жизни – один из путей возвращения к своему затерянному «я». (Когда-то это было открытием романтиков, патетическим прорывом к неосуществленной проекции себя в нафантазированное будущее.) О себе же самом «ребенок молчанье хранит»⁴². О нем знает Бог, а вслед за Ним, может быть, и подвижник, который развил в себе память о Боге, сумел справиться со своим «я», *до неба вознесимся, до ада низвергнемся* (Мф. 11: 23; Лк. 10:15).

И сказал Моисей Богу: вот я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «Как Ему имя?» Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (Ягве). И сказал: так скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня к вам... Вот имя Мое навеки, и памятование о Мне из рода в род (Исх. 3:13–15).

Тот, Чье имя есть само бытие, открылся Аврааму, Исааку, Иакову, вошел в их существование, и ты, наследник их и потомок, получаешь жизнь от них – биологически и духовно – слитую с этим именем, соединенную с Тем, Кто сказал: «Я есмь Тот, Кто есмь»⁴³. Боги народов (их всегда было много, у каждого племени – свой заколдованный лес или облачный Олимп) – идолы, которым надо было льстить и перед которыми трепетать, – всегда держались, нависали, высились, парили где-то поодаль. Им было мало бесплотности, чтобы явить свою власть, они должны были как-то «отобразиться», отвердеть в куске дерева или камня, сделаться жестким, видимым, стоящим напротив предметом, плакатом, портретом. Бог же отцов не был, Он есть, Его невидимое жилище повсюду, в мироздании, в Аврааме, Исааке, Иакове и в тебе, живущем ныне. Он – в твоём существовании, которое хранит в себе память о Нем из рода в род. Дело здесь не только в длительности времени – «ныне и присно» – но в связи памятования о Боге с жизнью, родом, рождением. Очи Твои видели не только «зародыш мой», но – через него – и те зародыши, которые когда-нибудь произойдут от него, ручеек поколений во всю длину.

Рождаясь, мы входим в реку бытия, исполняя первое из послушаний, возложенных на нас Богом: прикоснуться, причаститься к «тайносмыслу» начала. Осознать его неслучайность, его осмысленность, его заданность. «Мир как таинство»⁴⁴, согласно изваянной формуле отца Александра Шмемана, означает прежде всего бытие сущего, за которым живет сокрытое «Божие есмь». Первое таинство жизни совершается при соединении Слова, через которое «все начало быть», с этой вещностью человеческой плоти как одеянием Его тайны. Из воления, любви, разумения Божия возникает человек, из жизни – мир человека.

О каких послушаниях идет речь? В первом из них – появлении на свет – нет того, что мы привыкли понимать под нашим «я»; в этом начальном акте нашего земного существования мы не участвуем. В нем мы повинемся Разуму, вложенному в биологическую матрицу внутриутробного развития, соучаствуя пассивно в воле и личном или наследственном грехе родителей. *Во гресех роди мя мати моя...* (Пс. 50: 7). И все же каждое рождение – отклик на призыв,

⁴¹ Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как сладко дремлет сад темнозеленый...» (до 1836 года).

⁴² Строка из стихотворения О.Э. Мандельштама «В игольчатых чумных бокалах...» (1933–1935).

⁴³ См. Исх. 3: 14–16.

⁴⁴ Название статьи протоиерея Александра Шмемана, опубликованной в книге: *Шмеман Александр, протоиерей*. Церковь. Мир. Миссия. – М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. С. 26–33.

посылающей нам телесную жизнь из лона *Жизни с избытком* (Ин. 10: 10). Пройдет время, у нас представится возможность откликнуться этой Жизни, осязать ее сердцем как дело Отца.

Отец Мой *донныне делает, и Я делаю* (Ин. 5:17). Начинаешь чуть-чуть понимать эти слова, лишь когда задумываешься о происхождении человека. Откровение есть самораскрывающееся начало Бога, Творец продолжает творить мир из Самого Себя, и это глубинное Божие, которое на мирском языке называется любовью, проступает во всяком существе, но всего откровеннее в человеческом детеныше. Рождается человек, и Господь говорит в нем: *вот Я* (Ис. 52: 6)!

Рождение – это исполнение первого из человеческих призваний. Апостол увещевает нас *облечься в нового человека, созданного по Богу* (Еф. 4: 24). Речь идет о Христе, о том новом человеке, коим пред-создан, пред-назначен стать каждый из людей. Тот человек уже некогда пребывал в нас, родился вместе с нами, а затем скрылся на время. Обретение веры называют «вторым рождением». Когда мы «обращаемся», обретаем веру, находим Бога, мы рождаемся в того человека, которым некогда были, – да что там! – изначально еще остаемся. Остаемся где-то далеко и давно.

Бессознательное творения, заложенное в человека. Адам, созданный последним из тварей, несет в своей прапамяти всю работу Господню, бывшую до него. Начиная с того до-времени, когда *Земля была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою* (Быт. 1: 2). Но и человек, проходя весь путь внутриутробного развития, соприкасается с тем Адамом, принимает на себя образ, запечатленный на нем до грехопадения...

Аще не умрет, не оживет... (1 Кор. 15: 36). Ребенок уходит в подростке, растворяется в зрелости, возвращается вновь в муже в *возрасте Христовом* (Еф. 4: 13). Несли человек – микрокосм, мир в миниатюре (святитель Василий Великий), то дитя – это зернышко имеющего вновь родиться Христа. Второе рождение, обретение веры – это начало прорастания зернышка. О том же – притча о семени, *иное упало при дороге, иное на камень...* (Лк. 8: 5–6).

Если слова Иисуса мы воспринимаем как Слово, пришедшее к нам из недр Отчих, являющее нам Отца, предреченное *от начала*, то воля Его есть благословение малых сих.

Шопенгауэр⁴⁵ сказал: «Человек – это длящийся след совокупления» («*Homo est coitus aliquamdiu permanens vestigium*»)⁴⁶. Когда здравый смысл хочет быть как гусар брутальным, он бывает как паяц дурацким. Пусть даже прав гусар, но безумие во Христе ищет во мне слова, чтобы выразить то, что в словах звучит смешно, не ловится ими: Бог помыслил – и возник человек, и тот, неродившийся, еще и не зачатый, сам подзывает и соединяет будущих своих родителей. И они входят в Его помысел, в Его желание.

Мы безумны Христа ради... (1 Кор. 4: 10). То же безумие шепчет мне, что слова человека, едва появившегося на свет, чей разум еще не заглушен родовым, всеобщим «я», пере-кликается со словами, вложенными в творение, и эта переключка есть язык Царства Божия, когда *будет Бог все во всем...* (1 Кор. 15: 28).

⁴⁵ Артур Шопенгауэр (1788–1860) – немецкий философ. Основной философский труд – «Мир как воля и представление». В учении ключевую роль играет воля – безличное начало, воплощением которой является все мироздание. Шопенгауэра называют «философом пессимизма».

⁴⁶ Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые парали-помены; Об интересном: Сборник. – Минск: ООО «Попурри», 2000. С. 255.

Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу (Пс. 8:2; Мф. 21:16). Буквально и просто: хвала их – дыхание, движение, развитие, жизнь. Существуя, дыша, ребенок приносит хвалу Родившему его. Стать *как дети* – значит вернуться к этой бессознательной хвале, наполнить ею свою зрелость, бросить в поток ее самого себя.

Мать, кормя грудью, разговаривая с младенцем, рассказывая себе и ему сказки, живет верою, потому что вера есть глубина общения. Пророк говорит: *праведный верою жив* (Авв. 2: 4). Материнство не только естественно, но по-библейски праведно, ибо: *жена... спасется через чадородие* (2 Тим. 2: 14–15). Чадородие, кроме того, что оно есть послушание заповеди Божией, первой и райской, есть еще и исполнение веры, пусть даже и не исповеданной, в благодать Божию, *иносказание* благодати в комочке человеческой плоти.

Спасение подразумевается здесь и в более глубоком царственном смысле. Женщина, рождая, по-евангельски «принимает дитя» от Творца, поклоняется Ему в Его творении и, даже не подозревая о том, становится «малой Церковью», ковчегом спасения самой себя и ребенка. Ковчег несет их – пусть даже лишь вложенной в нее силой инстинкта – к Божьему берегу. Однако инстинкт сам по себе вязнет в густой и слепой своей «темноте», теряет вложенный в него «ум», его природа не может обойтись без Духа, требует для себя просвещения Словом, которое дается всякому человеку как залог его богочеловечности. Залог, однако, может быть утрачен, задушен тьмой. Материнство таит в себе начало бессознательной церковности, требующей для себя просвещения, в котором благословение Иисуса (через творение) и благодарение Иисуса (в Евхаристии) должны соединиться, *чтобы радость ваша была совершенна...* (1 Ин. 1: 4).

Возможна ли личность вне разума, коль скоро мысль есть средство общения? Или, может быть, лишь попытка общения. Но еще до первого контакта с другими мы уже общаемся мыслью с собой. Накопление мыслительного багажа в виде ассоциаций, воспоминаний, навыков, узнаваний, реакций создает нашу идентичность с самим собой, но личность может существовать без всего этого. Всякой матери, хотя и не только ей, доступен этот секрет общения с личностью младенца безо всякого обмена мыслями. Какие мысли у него, он не знает, у недавно рожденного ребенка еще нет развитого самосознания, отражения и закрепления акта мышления в помысленном, отраженном. Его мысль еще не сфотографировала себя ни в понятии, ни в образе, в котором она запечатлевается. Но в любом возрасте человек наделен личностью и присущим ей даром человеческого причастия всему существующему и Тому, Кто привел его в бытие.

Потому и Церковь должна – скорее призвана – быть *иносказанием* матери. Она по замыслу о ней являет собой икону материнства в Боге, с Которым она вступает в молитвенно-таинственный диалог. Она доверяет Ему всякого родившегося младенца, зная, что на нем изначально запечатлевается образ Родившегося в Вифлееме.

Первая ее молитва – о покрове. «Сохрани сию и сего младенца, егоже роди: покрой ю под кровом крилу Твоею, от днешняго дне, даже до последняго ея скончания...»⁴⁷

И затем молитва о благословении: «И от нея рожденное отроча благослови, возрасти, освяти, вразуми, уцеломудри, удобромудрстви: яко Ты привел еси е, и показал еси ему свет

⁴⁷ Молитвы в первый день по внегда родити жене отроча.

чувственный, да и умного сподобится света, во время еже определил еси, и сопричтется святому Твоему стаду...»⁴⁸

Обратитесь к подлинному дарованному вам началу жизни, и вы поймете Меня – так можно услышать слова Иисуса *если не будете как дети*. Ибо прямо за лугом посланного вам детства начинается *Царство не от мира сего* (Ин. 18: 36). За пределы луга нам пока не переступить (как сказано: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его*, – 1 Кор. 2: 9), но чуть приблизиться к нему, хоть он и далек, мы, *обратившись*, можем. Едва вступив в эту близость, мы отчетливей начинаем ощущать внутреннюю связь между всеми заповедями Иисуса, всеми словами, внешне как бы совсем разрозненными. *Умалитесь...* (Мф. 18:4) *пребудьте в любви моей...* (Ин. 15:9) *кто не собирает со Мною, тот расточает...* (Мф. 12: 30; Лк. 11: 23). Живые скрытые нити соединяют одни слова с другими, складываясь в единый образ царственной Вести.

Вся весть христианства в том и состоит, что жизнь побеждает смерть, что там, где жизнь жительствоует, смерть больше не смердит, и мы, вглядываясь в очи жизни, слышим, что она зовет нас в *чудный Свой свет* (1 Пет. 2: 9).

Есть два непохожих внешне пути богословия, которые не разделены и, в сущности, пролегают неподалеку друг от друга: богословие покаяния и богословие славы. Богословие покаяния, как и основанная на нем духовная жизнь, – дело больших, скопивших в себе целый греховный мир людей, оторвавшихся от своей малости в Боге и хорошо осознавших это⁴⁹.

Богословие славы обращено к *свету разума*, который теплится в творении и говорит с нами из нашей тварности, столь отчетливо различаемой в начале жизни. Речь не идет лишь о том детстве, которое надо хорошо воспитать, чтобы из него потом достойно вырасти, но о том, в которое подспудно хочется вернуться, убежав туда, где каждому надлежит быть – *в доме Отца Моего* (Ин. 14: 2).

Таинство детства заключается и в том, что человек творится сразу весь, хотя на первых порах и состоит лишь из нескольких «умных» клеток. Но в этих клетках мыслит о нас *ум Христов*. Подобно тому как молитва в несколько мгновений (эти мгновения – вне времени) предлагает хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы, так и Слово Божие, которое обходится без наших времен и сроков, предлагает половые клетки в человеческое существо.

«**Природа умная** и бессмертная сокрыта в тленном теле нашем для того, чтобы в нем и через него обнаруживать свои действия» (преподобный Антоний Великий)⁵⁰. Но в начале жизни она еще не закрылась в нас, умная природа.

«**В средневековье полагали**, – читаем мы в учебнике философии, – что человеческий эмбрион обладает растительной душой, потом чувственной, и только на определенном этапе эмбрионального развития Богом вселяется разумная душа; следовательно, во время эмбрионального развития происходят субстанциальные видообразования. Биологические исследования, наоборот, доказали единство эмбрионального развития, так что сегодня

⁴⁸ Молитва жене родильнице по čtyредесяти дней.

⁴⁹ О том, как готовить родителей к верующей, покаянной, ответственной взрослости, есть (среди прочих) и пастырски добрая и полезная книга: *Мамонтов В., архимандрит*. Таинство детства. Беседы известного духовника с родителями. – М.: Никея, 2017.

⁵⁰ *Антоний Великий*. Наставления / Добротолюбие: В 5 т. Т. 1. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. С. 30.

философ-томист⁵¹ должен полагать, что в момент объединения половых клеток, когда возникает зигота, возникает и человек. Разумная душа вселяется Богом в момент зачатия, когда половые клетки прекращают быть частью родительских организмов и принимают новую субстанциальную форму, каковой является как раз человеческая душа нового создания. Созданная душа не способна моментально ко всем видам своей деятельности, как, в принципе, не способен к ней и новорожденный, но душа формирует соответствующее самой себе тело и проявляет всю полноту деятельности только тогда, когда тело полностью развито»⁵².

Как новорожденные младенцы, возлюбите словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь (1 Пет. 2: 2). А если нам вернуть метафору к ее изначальной реальности? Не словесное ли молоко (то есть «субстанция» творения) – все то, что открывается едва пришедшему в мир, и Господь питает его Своим «добром» через глаза, уши, тело, а затем и разум?

Свет мой, ты сегодня молиться меня научи,
на том языке,
на котором
совершается таинство
вашей вечерней беседы —
... женщина, ты, и журчащий ручей,
и младенец, притихший в утробе.
(Виталий Леоненко. «Март. Канун субботы»)

«**Восприял некогда** Спаситель наш детей на руки Свои, благословляя их пред сонмами народа, а тем показал, что любит Он детство; потому что чисто оно и далеко от всякой скверны. Благословен Вселяющий детей в чертоге Своем!»⁵³

Жизнь Самого Иисуса – как не вспомнить об этом? – началась именно с самого радикального «непринятия» детства – истребления Вифлеемских младенцев. Мог ли Он не помнить об этом, не ощущать кровную связь с убиенными детенышами? И не отсюда ли столь твердая категоричность Того, Кто был спасен, уведен в Египет, несом руками Марии: *ибо таковых есть Царство Небесное?*

«...**Вопреки всякой** внешней очевидности (дети, заколотые в Вифлееме. – В.З.) признаются Церковью мучениками Христовыми, с Ним и за Него пострадавшими. Здесь указывается наличие этой таинственной связи, соединяющей Христа с человечеством в избранном Его народе. Однако такая связь одним этим случаем не ограничивается и не исчерпывается...» – говорит протоиерей Сергей Булгаков⁵⁴.

Но и за порогом этой очевидной, хотя и часто предаваемой связи Христа с Его народом проступает связь еще более глубокая: Христа, Сына и Слова Божия, со всяким человеком, рождающимся в мире.

⁵¹ Томист – последователь Фомы Аквинского.

⁵² Vanni Rovighi S. Elementi di filosofia. Vol. 3: La natura e l'uomo (filosofia della natura, psicologia ed etica). – Brescia: La Scuola, 2013.

⁵³ Ефрем Сирий. Надгробные песнопения / Ефрем Сирий. Творения: В 8 т. Т. 4. – М.: Отчий дом, 1995. С. 460.

⁵⁴ Булгаков Сергей, протоиерей. Гонения на Израиль (Догматический очерк) / Вестник РСХД. № 108–110 (1973). С. 68.

«Отнесенность» (любимое слово-намеки протопресвитера Александра Шмемана из «Дневников») – свойство начала жизни. Ребенок соотносится с тем, что вокруг, что он открывает, что дает ему пищу, ласку, тепло. Новорожденный, ищущий грудь (настойчиво, требовательно и «по праву»), – точный образ соотношенности с миром. Но также и со Христом.

Вчера крестил трехнедельную девочку нашей прихожанки. Вглядываясь в ее личико, в этот искусно выписанный рот, нос, уши, глаза, я понял вновь, что знал всегда: человек рождается в мир как живая икона, выходит из горнила творения с ликом, начертанным кистью Господней. Но как же я не замечал этого раньше? Замечал, конечно, но не решался договорить, не давал себе смелости довериться первому впечатлению, пробежать мысль до конца, соединить с собой.

Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во Мне Сына Своего... (Гал. 1: 15–16) – это апостол говорит о себе, но избрание *от утробы матери* относится ко всякому *приходящему в мир* (Ин. 1: 9). Человек избирается в Сыне и ради Сына и призван открыть Его в себе.

То «дитя», которое призвал Иисус, остается невидимой мерой вещей и точкой отсчета нашего существования. И даже евангельским таинством его. К участию в таинстве призван каждый из нас. Прямо оно не зависит от нашей церковности, но по-настоящему мы прикасаемся к нему лишь в Церкви. При этом открывается оно по-разному: по-своему в самом начале, по-своему отрочеству, едва оторвавшись от своего начала, по-иному – зрелости, отошедшей от детства на дальнейшее расстояние и потому способной лучше увидеть его издалека. Л.Н. Толстой писал: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего – страшное расстояние. От зародыша до новорожденного – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость»⁵⁵.

Это расстояние пробегает наша интуиция или память, когда начинает искать себя «за гранью прошлых дней», за оградой оставленного нами Царства. Путь к нему прокладывается *только верой*, иным словом, любовью.

Если не будете как дети... Исполните сию заповедь – войдете в Царство, не исполните – не забываете каяться и уповайте на милость к ребенку, который еще остается в вас... Каждый ребенок есть та родная и благодатная речь, на которой Бог признается нам в любви. *Кто имеет уши слышать, да слышит* (Мф. 11: 15 и др.)!.. Евангелие развивает в нас внутренний слух, учит различать ту речь, которая в нас неприметно вкладывается. И учит ей откликаться.

«...На Пасху шел я из главной Монастырской порты в новый Преображенский корпус, и вижу: бежит мне навстречу маленький мальчик, лет четырех, с радостным лицом, – благодать Божия веселит детей. У меня было яйцо, и я отдал это яйцо мальчику. Он обрадовался и побежал к отцу показать свой гостинец. И за эту мелочь я получил от Бога великую радость, и возлюбил я всякое создание Божие, и Дух Божий был слышен в душе»⁵⁶.

⁵⁵ Толстой Л.Н. Моя жизнь / Л.Н. Толстой. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 10. – М.: Художественная литература, 1982. С. 500.

⁵⁶ Софроний (Сахаров), схииеромандрит. Преподобный Силуан Афонский. – Сергиев Посад: СТСЛ, 2011. С. 397.

Церковь возраста Христова О том, что значит «быть ребенком» в религиозной жизни

Отцы говорят: Церковь – Мать, рождающая людей для жизни во Христе, она ведет к порогу Царства, несет дары, которые дают им вырасти *в меру возраста полноты Христовой* (Еф. 4: 13). Какова же *мера* этой «полноты»? Что разумел апостол под «возрастом Христовым»? И как соотносить «возраст полноты» с обращением в детство, на котором настаивает Христос?

Взрослая мысль, даже и напитав себя «сокровищами премудрости», как-то всегда недослышит Его слова. Она не спорит, она, в общем, согласна; да, «умалимся», на злое будем младенцы⁵⁷, но остановиться перед загадкой той вести ей некогда, она идет в рост, восходит к незыблемой доктрине, этике, гомилетике⁵⁸, «власти ключей», Первому Риму, Третьему Риму и прочим важным державным делам, от «малых сих» отстоящим, однако, несколько поодаль. Но что, если нам, далеко не восходя, не взрослея, задержаться здесь, у подножья евангельских слов? Разбить палатку у них в окрестностях, сделать привал на пути к вершинам церковного разума? Не для того, чтобы найти некий скрытый ров между евангельским детством и достигнутой полнотою истины, но лишь довериться живому голосу Христову, улучшить его тепло.

Начнем с одного из самых весомых свидетельств Предания. «Вот почему, – говорит святой Иоанн Златоуст, – Христос и сказал: *Таковых есть Царство Небесное*, чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе»⁵⁹.

«Будьте как дети, – комментирует архиепископ Иоанн Шаховской, – будьте чисты; будьте с их верой без рассуждений и обходов. Идите за своим Учителем. Не просите, если говорят вам „нельзя“, не спорьте, не надейтесь на ум свой, не противоречьте и не доискивайтесь. Положитесь на учащего вас Евангелием и помните, что ничто вы без своего Создателя... Любите Отца вашего небесного, как ребенок любит мать свою»⁶⁰.

Что ж: полезно и умно. Но Христос говорит: *Если не обратитесь, если не умалитесь...* Умалиться как? Обратиться – в кого? Означает ли это: повинуйтесь доброй морали, станьте послушными, смиренными как овечки, кроткими как крольчатки, а иначе, мол, пеняйте на себя?.. Но, отцы и учителя, у детей вовсе нет таких благословенных свойств! Вправе ли мы переносить на них нравственные законы грешных, впавших во взрослость, умноживших печаль от многознания и опыта? Малым подобает расти, насыщаться днями, доискиваться до всего на свете. Обращение в детство взрослых в устах Слова Божия означает нечто большее, чем послушание и смирение, с которыми у детей дела обстоят вовсе не так хорошо. Не идет ли речь о стяжании какого-то иного дара Христова, вложенного в каждого из нас?

⁵⁷ См. 1 Кор. 14: 20.

⁵⁸ Гомилетика – церковно-богословская наука, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества.

⁵⁹ *Иоанн Златоуст*. Толкование на святого Матфея Евангелиста / Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. В 12 т. Т. 7, кн. 2. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1901. С. 639–640.

⁶⁰ *Иоанн (Шаховской), архиепископ*. Как жить по Евангелию. Записи голоса чистого. – СПб.: Сатис, 2010.

Когда ребенок был ребенком,
было время таких вот вопросов:
почему я – это я, а не ты?
почему я здесь, а не там?
Когда начинается время,
и где пространство кончается?
Существует ли зло и есть ли
вправду плохие люди?
И как так может, чтобы я, который есть,
не был прежде того, когда я стал?
и как однажды я, который есть,
Не буду больше тем, кто я есть?⁶¹

Обращение в детство в устах Слова Божия означает нечто большее, чем послушание и смирение взрослых, ибо с такими вещами у детей дела обстоят совсем не хорошо. «Каждый новорожденный являет собой новое отображение Бога, чуть затемненное грехом непослушания» (святитель Николай Сербский)⁶². Не идет ли речь в Евангелии о возвращении к какому-то иному дару Христову, изначально вложенному в каждого из нас? Это дар нового рождения, обретаемого взрослым через преодоление груза греховности.

Обратитесь, вернитесь в Любовь, через которую вы пришли в бытие, к первозданной одаренности Богом, которой наделен каждый из нас. Иисус говорит не о «воспитании чувств», но о чем-то более существенном: о возвращении к той человечности, в которую заронен замысел Творца о людях, что сквозит и тайно светит через «дитя». Эта исходная одаренность открывает для нас и детскую, вернее, детствующую природу Его Церкви.

Эта природа и подлечит восстановлению в человеке. *Как может человек родиться, будучи стар?* – спрашивает Никодим. – *Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей?..* Ответ Иисуса: *рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть Дух* (Ин. 3:4,6). Родиться от Духа – значит вырасти, повзрослеть, поумнеть, покаяться, *употребить усилие* (Мф. 11: 12) и в награду получить свою царственную детскость в Иисусе, Его Церкви, Собрании верных... Она собирает народ детей. Тех обратившихся, нашедших свое сыновство, кому предназначено Царство Небесное.

Есть благая часть, избранная аскетом, не покидающим внутренней клетки, та, что не отыметься... Но часть – не целое, которое неохватно. Может быть, в нем есть и другая, где-то потерявшаяся частица, именуемая «принять дитя», того, кто заброшен в нас? И есть особое, «младенческое» христианство, которое растет из той иной, «благой», неотъемлемой части?

Слова Иисуса о детях обращены ко взрослым. Они предлагают им уразуметь то, что надлежит им делать. Они ведут к какой-то радикальной «перемене ума» внутри себя, отсечению себя сложившегося, страстного, падшего ради того «дитя», которое нужно открыть.

Предоставь мертвым погребать своих мертвецов (Мф. 8: 22; Лк. 9: 60). Мог ли сказать такое Тот, Кто пришел не нарушить закон, а исполнить (Мф. 5: 17)? По закону полагается

⁶¹ Хандке П., Вендерс В. Небо над Берлином (фрагмент) [Электронный ресурс] // Синергия: [сайт]. URL: livelib.ru/quote/733387-der-himmel-ueber-berlin-wim-wenders-peter-handke (дата обращения 25.12.2018).

⁶² Николай Сербский, святитель. Мысли о добре и зле [Электронный ресурс] // Православная библиотека: [сайт]. URL: azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/mysli-o-dobre-i-zle/ (дата обращения 25.12.2018).

хоронить в самый день кончины. Что-то здесь скрыто другое, то, что можно понять только обратившись, умалившись до младенчества.

Если вслушаться в то, что о детях сказал Христос, как и во все, что могло бы быть соотнесено с ними, мы услышим все это как особое, обращенное к нам благовестие. Найти его можно повсюду. Весь Новый Завет, если читать его с ключами «детских» слов Христовых, пронизан намеками, соприкосновениями с таинством *малых сих* и благословением их малости. Оно являет себя даже из сугубо взрослых, «догматических» вещей. Так исповедание Петра, ставшее камнем Церкви (*Ты – Христос, Сын Бога Живаго* – Мф. 16: 16), разве не выплеснулось из обращения в «безумие» детства? Ведь не может же *плоть и кровь* здравомыслящего иудея исповедать стоящего перед ним Равви – Сыном Всевышнего. Лишь тот, кто открыл в себе младенчество Слова, сумел узнать Его в Иисусе и вернуться, хоть на миг, к своей утраченной, Адамовой, сотворенной Отцом природе. Симону открывает истину *Отец Мой, Сущий на небесах* (Мф. 16: 17), потому что существо Симона, сохранившееся где-то в нем, было в тот момент восхищено Духом на небеса. *И дам тебе* – не ребенку ли, не исповеднику ли этой нерассуждающей веры? – *ключи Царства Небесного...* (Мф. 16: 19). Вслед за этим, когда Иисус открывает ученикам, что *Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать* (Мф. 16: 21), к Петру возвращается трезвое рассуждение, знающее, каким надлежит быть Мессии, и он учит Его своему знанию и получает в ответ: *отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16: 23).

А хождение по водам? *Если это Ты, прикажи мне идти к Тебе* (Мф. 14: 28). Симон прыгает в воду, идет по воде, пока не отдает себе отчет в том, что делает.

В чем же суть евангельского «дитя»? В нем, пока она еще не остыла, мы можем ощутить теплоту творения. Каждый из нас сотворен Словом, через которое в мир входит то, что вызывает к жизни Отец. Но, создав человека, может ли Слово забыть о нем? Та «невинность», которую мы видим в ребенке, есть один из образов или отпечатков творения. Другой след его – удивленная открытость к восприятию твари и через нее Лика Отца, ожидание новой встречи с Ним. *Ты извел меня из чрева, вложил в меня упование у груди матери моей*, – восклицает Давид (Пс. 21: 10).

«Изведение из чрева» – первое физиологическое событие, в котором упование еще неотделимо от жизни плоти. Оно еще не облечено в мысль, образ или символ, оно зарождается на дорациональном, но не на доразумном уровне, обладает своим разумом, вложенным в единую психофизическую и духовную природу человека. Вера, прежде чем быть озарением или убеждением, возвращается к природе своего упования. Верить в то, что не видим, «уповать» на неведомое, по сути, «естественно», соприродно всякому человеку, «изведенному из чрева».

«Так в созидании Дух Святой, – говорит святитель Василий Великий, – присущ тварям, не постепенно усовершеняемым, но с минуты сотворения уже совершенным, и сообщает им от Себя благодать к совершению и восполнению каждого существа»⁶³.

Ориген же прямо сравнивает ребенка... с Духом Святым. «Смотри, можешь ли ты сказать, что дитя, которое призвал Иисус, это Святой Дух, смиривший Себя, призванный Спасителем и поставленный посреди учеников Иисуса как вождь? Или же Он хочет, дабы мы, отвра-

⁶³ *Василий Великий. О Святом Духе. К святому Амфилохию, епископу Иконийскому / Василий Великий. Творения: В 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. – М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 84.*

тившись от всего остального, обратились к примерам, данным Святым Духом, чтобы мы стали как дети, то есть апостолы, обращенные и уподобленные Святому Духу. Этих детей дал Спасителю Бог, как сказано у Исаяи: *Вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8: 18). И нельзя войти в Царство Небесное, не отвратившись от мирских дел и не уподобившись детям, носителям Святого Духа. Этот Святой Дух, сошедший на людей от собственного совершенства, Иисус *призвал и поставил*, как дитя, посреди учеников»⁶⁴.

«**Святому Духу живоначалие и честь**: вся бо созданная, яко Бог сый укрепляет силою, соблюдает, во Отце Сыном же»⁶⁵. Дух Святой, согласно святителю Василию Великому, кладет свою печать на творение, придает «форму» человеку, который создается в Сыне или Слове⁶⁶. Дух есть залог его изначального богоподобия, следы которого еще не стерлись на первых стадиях жизни.

«**Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал**. – Он поставил или просто дитя какое-либо, чтобы представить возраст и указать подобие невинности, или, может быть, Он поставил среди них Себя самого, как дитя, потому что Он пришел послужить, а не для того, чтобы Ему служили, так что Он подал им пример смирения. Другие под дитем имеют в виду Духа Святого, которого Иисус вложил в сердца учеников Своих, чтобы гордость их превратить в смирение»⁶⁷.

Какими дарами Духа живится душа человека, так недавно сотворенного? Полнота их, согласно, пророку Исаяе, заключается в цифре семь⁶⁸. Перечислим кратко.

Дети суть носители нерастраченной еще любви Божией, **любовь** Отца в них – как залог Духа;

им соприсушна **святость** творения, еще не утраченная ими;

в каждом ребенке по-новому открывает себя **новизна** мира;

истина бытия открывается ребенку не разумом, но самим существованием;

ему дается **дар свободы**, не предопределенной прошлым падшего человека.

Доверие, привязывающее ребенка к тому, кто рядом и о нем заботится, есть уже основа **веры**.

Сама его жизнь есть уже воплощенная **надежда**. Дух, таким образом, есть Свидетель изначального чуда мира.

Мы безумны Христа ради... (1 Кор. 4: 10). Может быть, слова человека, едва появившегося на свет, чей разум еще не заглушен родовым, всеобщим, усредненным «я», переключается со словами, вложенными в творение, и эта переключка есть язык того Царства Божия, которое откроется, *когда Бог будет все во всем...* (1 Кор. 15: 28).

⁶⁴ Ориген. Комментарии на Евангелие от Матфея. Цит. по: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Т. 16: Евангелие от Матфея 14–28. – Тверь: Герменевтика, 2007. С. 84.

⁶⁵ Воскресный антифон 2-го гласа.

⁶⁶ Василий Великий. О Святом Духе. К святому Амфилохию, епископу Иконийскому / Василий Великий. Творения: В 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. – М.: Сибирская благовонница, 2008. С. 82–83.

⁶⁷ Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие Матфея / Творения блаженного Иеронима Стридонского: В 17 т. Т. 16. – Киев: Типография И.И. Горбунова, 1901. С. 175–176.

⁶⁸ См. Ис. 11:2–3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.